

Идентичность строителей социалистического города на Урале по мемуарным источникам (1930-е гг.)

Аннотация. Авторами констатируется актуальность изучения идентификационных процессов отдельного человека на материале отечественной истории, в частности жителя социалистического города на Урале. В данной статье рассматривается идентичность индивидуума как концепт, вбирающий в себя разные виды идентификации. В статье на основе мемуарной литературы (воспоминания руководителя Уралвагонстроя Л.М.Марьясина и американского рабочего Д.Скотта) анализируется индивидуальная идентичность строителей социалистического города на Урале в период принудительной модернизации 1930-х гг. Подходы: концепция урбанистической антропологии, теория идентичности, концепция социальной стратификации; метод контент-анализа (символьного, тематического, модального). Сформулировано авторское определение концепта «соцгород», создан классификатор маркеров идентичности (шесть блоков анализа). Установлено преобладание положительной модальности самоидентификации представителя элиты, отрицательной – иностранного специалиста. Выявлено значение идеологических, политических установок, влияющих на комфортность проживания в «соцгороде», способствующих формированию нового типа «советской идентичности».

Ключевые слова: Урбанистическая антропология, теория идентичности, идентичность социалистического города, политическая идентичность, гражданская идентичность, контент-анализ, маркеры идентичности, мобилизация, «коллективистская личность», модернизация.

Abstract. The authors state the relevance of a case study of identification processes in Russian history, particularly the inhabitant of a socialist town in the Urals. This article presents individual identity as a concept adopting different types of identification. Based on the memoirs (memoirs of L. M. Mar'yasin, Director of Uralvagonstroï, and D. Scott, American worker), the article analyzes individual identity of socialist town builders during the forced modernization of the 1930s. Approaches: concept of urban anthropology, theory of identity, concept of social stratification, content analysis method (symbolic, thematic, modal). The authors define the "sotsgorod" (English – "social city") concept and create classification for identity markers (6 analysis blocks). The authors discovered the prevalence of positive modality in elite representative self-identification and negative – in foreign specialist's. The authors also discovered the meaning of ideological and political attitudes that influenced the living conditions in the "sotsgorod" and encouraged the creation of a new "soviet identity".

Key words: urban anthropology, theory of identity, identity of a socialist city, political identity, civic identity, content analysis, identity markers, mobilization, "community character", modernization.

Из анализа отечественной историографии следует, что комплексных историко-психологических исследований феномена городской идентичности, охватывающих его содержательный и динамический аспекты и определяющих его место в более широкой структуре механизмов регуляции социального поведения, на сегодняшний день не проводилось. Основное внимание обращено к «характеристике группового сознания горожан, а не к закономерностям идентификационных процессов отдельного человека» [1].

В связи с малой разработанностью обозначенной проблемы мы предприняли исследова-

ние, посвящённое изучению идентичности жителя социалистических городов на Урале в период ускоренной индустриализации 1930-х гг. Это было время кризиса идентичности, связанного с принудительной модернизацией, когда идеологическая и политическая составляющие идентичности выдвигались на первое место.

Поскольку индивид, как субъект, включенный в большие социальные группы, был решающим фактором модернизации, главным материалом нашего исследования стали источники личного происхождения, в которых мы можем найти рефлексию индивида на новые социальные поведенческие установки и ценностные ориентиры.

В связи с ограничением объема публикации мы использовали два источника: воспоминания руководителя Уралвагонстроя Л. М. Марьясина (Нижний Тагил) и американского рабочего Д. Скотта (Магнитогорск) [2, Т. 1. Л. 30–33; Т. 4. Л. 302–577], [3]. Одно из них относится вообще не к Нижнему Тагилу, а к Магнитогорску (мемуары Д. Скотта). Однако, учитывая схожесть обстоятельств реализации концепта соцгорода в Уральском регионе, мы сочли возможным использовать этот источник в наших целях.

Эффективными теоретическими подходами в подобном исследовании, на наш взгляд, являются концепции новой социальной истории и социокультурной антропологии. В теоретическом поле последней сформировалась в качестве субдисциплины урбанистическая антропология, нацеленная на определение роли человека и паттернов его поведения, а также изучение социокультурных процессов общества внутри пространства города [4], [5]. Кроме того, нами используется теория идентичности в трактовке Э. Эриксона, а также концепции социальной стратификации в трактовке М. Вебера и П. Сорокина [6].

Идентичность можно рассматривать как объемный, многогранный и собирательный концепт, вбирающий в себя содержание множества разных идентичностей. Например, городская идентичность является частью социальной идентичности личности наряду с возрастной, гендерной, этнической, профессиональной. В гражданскую идентичность включены политическая и национально-государственная идентичности.

В качестве методики исследования нами привлекались как типичные источниковедческие методы, так и специальные: различные варианты контент-анализа.

Идентичность индивида в городе, по мнению Н. С. Дягилевой, измеряется в трех значениях: городская идентичность (ГИ), идентичность города (ИГ), идентичность с городом (ИсГ) [7].

Опираясь на одно из них (ИГ), мы разработали сложное по составу определение социалистического города (СГ), каждому элементу-блоку (категории анализа) которого соответствует несколько признаков (единиц анализа) [8], [9, с. 101–103], [10, с. 238–239], [11, с. 14, 94], [12, с. 14, 349–353], [13]. Для извлечения информации из источников мы разработали классификатор маркеров идентичности жителя социалистического города (ИЖСГ), который включает

в себя шесть категорий анализа, единицы анализа (с количественным подсчетом высказываний) и модальность высказывания (положительная, отрицательная, нейтральная). Категории анализа совпадают с блоками определения СГ, приведенного ниже и служат элементами нашей теоретической модели.

1. Отличия «нового» города от «старого».

Первоначально «город-сад», «новый город» – место комфортного проживания человека «освобожденного труда». В 1930-х гг. – эволюция в идею социалистического города – как нового типа социальной политики и управления. СГ – центр пролетарского ядра населения, элемент государственного управления в структуре централизованной власти.

2. Способы мобилизации населения соцгородов.

Первоначально – привлечение людей в СГ как более комфортную среду, исключаящую эксплуатацию человека. В 1930-х гг. – эволюция в идею концентрации пролетариата в новых промышленных центрах. «Стирание» границ между городом и деревней за счет втягивания сельскохозяйственных территорий и проживающего на них крестьянского населения в зависимость и подчинение городу. Крестьянское население – материал для формирования индустриального пролетариата, должно регулируемо (добровольно-принудительно) перемещаться к местам возникновения новой промышленности. Спектр методов стимулирования в экономике мобилизационного типа: эксплуатация энтузиазма, административный нажим, репрессии, солидарная ответственность, получение социальных благ, повышение или снижение статуса исполнителей. Наличие маргинальных групп позволяло конструировать в массовом сознании «образ врага», формировать конфронтационный тип мышления (дихотомия «мы-они»).

3. Архитектурная планировка. Промышленные объекты и жилой сектор.

Первоначально идея города-сада, где население будет удалено от вредного воздействия промышленных предприятий. В 1930-х гг. эволюция: от города-коммуны, жилкоммуны к жилому кварталу, затем к «городу-ансамблю». СГ – единое территориальное образование, состоящее из градо-

образующего предприятия и поселения работающих на нем людей, членов их семей, которые должны быть заняты в общественно-полезном труде – либо работать, либо учиться. Соорганизация людей в «трудо-бытовые коллективы» административно и за счет организации жилища, планировки поселений, структуры расселения. Принцип искусственного прикрепления людей к месту работы (прописка, продкарточки, жилище из госфонда, медобслуживание по месту работы, обучение детей по месту проживания).

4. Характеристика жилого фонда

Первоначально – идея города-коммуны и трудо-бытовых коллективов. Затем – эволюция в идею комбинации из: домов-коммун; зданий «покомнатно-посемейного» проживания; коттеджей иностранных специалистов, руководства, передовиков производства; бараков, общежитий. Переход от концепции «функционального города» к доктрине «города-ансамбля», ориентация на индивидуальное жилье, выделяемое государством согласно социальной дифференциации и заслугам перед властью. Запрет на владение частным жильем.

5. Сфера быта и культуры.

Первоначально – идея «обобществления быта» в рамках «трудо-бытовых коллективов» домов-коммун: столовые-распределители, универмаги, центральный пищевой комбинат, фабрики-кухни, бани, механизированные прачечные, центральный клуб, кино, общегородской стадион, парк отдыха; детские учреждения для «полного» содержания детей. Затем – отказ от общественно-го воспитания детей и жилкоммун. Ориентация не на «коммунистическое общежитие», а на коммунальное переуплотненное заселение. С 1937 г. полный отказ от идеи обобществления быта.

6. Требования к «новому» человеку для «нового» города.

Первоначально – представление о созидательной, творческой личности, затем – эволюция в идею «человека-исполнителя», установка на развитие «личности в коллективе». СГ создает новые условия жизни нового социалистического человека, основанные на максимальном контроле государства над своими гражданами и на принуждении их к выполнению решений руководя-

щих инстанций. Главным становится приверженность идеологическим постулатам, в остальном господствовали прагматизм и технократизм.

Тип советского человека: аскет, здоровый физически и нравственно, представитель народа, противостоящий «яростному сопротивлению врагов» в труде, спорте или бою. «Новый» человек предан делу коммунизма, жесткой дисциплине, культуре семьи, верит в вождя, партию, отечество, трудится «по-коммунистически» (добровольно, вне нормы, без расчета на вознаграждение).

В конце 30-х гг. начинает обретать ценность идея личного благосостояния и карьеры, которая коснулась, прежде всего, правящей номенклатуры и вылилась в создание иерархии должностей и привилегий.

Разработанное нами определение СГ позволило провести контент-анализ источников личного происхождения [2, Т. 1. Л. 30–33; Т. 4. Л. 302–577] с целью охарактеризовать (измерить параметры) индивидуальной идентичности жителя СГ. Следует подчеркнуть, что реальная идентичность жителя СГ не совпадает полностью с характеристиками СГ как конструктами, созданными партией.

* * *

Лазарь Миронович Марьясин родился в 1896 г. в еврейской купеческой семье, получил гимназическое и высшее техническое образование. Мы можем воспринимать нашего героя как типичного представителя новой советской элиты, основные периоды социализации которого проходили после октябрьской революции на фоне увлеченности социалистическими идеями. Большую часть своей короткой жизни Лазарь Марьясин провёл в крупных городах и на стройках индустриальных гигантов и потому обладал всеми признаками городской идентичности.

Опираясь на классификатор маркеров идентичности, мы можем сделать несколько важных обобщений и выводов.

Во-первых, количественное распределение высказываний в авторском тексте показывает преобладание идентичности жителя социалистического города (ИЖСГ – 54), затем следуют показатели политической идентичности (ПИ – 29), и скромное место занимают проявления гражданской идентичности (ГИ – 5).

Во-вторых, обращаясь непосредственно к признакам ИЖСГ, следует отметить значительную разницу в количественных показателях: на

первое-третье места выходят блоки 2, 5, 4, на четвертое-пятое – 6, 3, 1. Наиболее важное место в воспоминаниях занимают проблемы мобилизации трудовых ресурсов (2), быта и культуры населения (5), строительства жилого фонда (4) в условиях острого жилищного кризиса.

Мы можем констатировать, что сам образ, «концепт» СГ, как чего-то «нового» по сравнению со «старым буржуазным» городом практически не волновал Л. М. Марьясина. Единственное высказывание его в связи с этим является отрицательным. Он подчеркивает, что уровень жилищного строительства в СССР значительно отстал от промышленного, критикует реализованный проект СГ в Магнитогорске, разработанный Э. Маем [2, Т. 4. Л. 469–470].

Марьясин солидарен с методами власти по мобилизации трудовых ресурсов и использованием мобилизационно-конфронтационных (административный нажим, репрессии, разделение на «своих-чужих», борьба с «врагами народа»), в меньшей степени консолидационных практик («самомобилизация» пролетариата, солидарная ответственность общинного типа, повышение социального статуса). Из 15 высказываний – 10 положительных, 1 негативное и 4 нейтральных [2, Т. 4. Л. 358–360, 364, 366, 492]. В качестве отрицательного явления автор называет использование труда заключенных, «старых» и иностранных специалистов: «...труд лишенных свободы был для нас тогда самым дорогим и наименее производительным. Поэтому, в первую очередь, мы возбудили перед органами НКВД ходатайство о ликвидации у нас ИТК. Вскоре наша просьба была исполнена и заключенные были переведены с нашей площадки» [2, Т. 4. Л. 492].

На первом месте в сознании автора всегда находилась стройка «промышленного гиганта». С точки зрения архитектурной планировки он констатировал приоритетность промышленного перед жилищным строительством, видел в градообразующем предприятии центр притяжения СГ, особенно не задумываясь над идеями «жилкоммуны», «жилого квартала» или «города-ансамбля» [2, Т. 4. Л. 321-328, 471]. Отрицательная тональность высказываний в этом блоке преобладает (3 к 1).

В характеристике жилого фонда у автора воспоминаний преобладают позитивные оценки (8 против 3 отрицательных). В то же время, очевидно, что Марьясин пытается показать свои заслуги в улучшении жилищного строительства. Фактически же гордиться было особенно нечем

– преобладала барачно-коммунальная застройка. Разве что законным предметом гордости можно было назвать поселок для высшего командного состава стройки [2, Т. 4. Л. 436–439, 363, 366, 408, 470, 475]. Интересно, что жилищный фонд НКВД отличался в лучшую сторону. Марьясин называет причину такой удивительной ситуации: «...Происходило это потому, что органы НКВД и политаппарат домов заключения гораздо лучше заботились о бытовых нуждах своих людей, чем наши профсоюзные организации...» [2, Т. 4. Л. 363]. Даже мобилизованные на стройку коммунисты и комсомольцы могли рассчитывать только на «коммунистический поселок», сплошь состоящий из бараков [2, Т. 4. Л. 366].

В оценке состояния культурно-бытовой сферы жизни населения СГ у автора преобладают критические высказывания. Он явно сомневается в качестве общественного питания и обслуживания населения, бытовых условий жизни в СГ, в то же время, видя положительные моменты в идее «коммунистического общежития» [2, Т. 4. Л. 350, 354, 355, 357, 366, 436, 438–440]. Например, Марьясин пишет: «...из рассказов товарищей, пробывших здесь зиму 1932–1933 года, я узнал, что на посёлке УВС люди жили в гораздо более тяжёлых условиях, чем на Магнитке. В бараках [зимой] не держалось тепло, [температура достигала] 8–10 градусов ниже нуля...Рабочие толпами уходили с вещами на вокзал и не хотели оставаться на площадке» [2, Т. 4. Л. 350, 354]. В то же время ситуация менялась: «...На рубеже 1933 и 1934 годов был создан на площадке необходимый минимум культурно-бытовых условий. Этот минимум был еще очень далек от уровня потребностей строителей завода и их семей» [2, Т. 4. Л. 357].

В своих воспоминаниях Марьясин проявляет солидарность с методами «перековки» «старого» человека в «нового», используемыми партией. Он пишет: «Примерно половина рабочих – строителей УВС – это либо бывшие явные и тайные враги нашего дела, либо уголовники, не способные раньше ни к какому полезному труду. Громадная массово-политическая работа, которая проводилась среди этих людей партийной организацией УВС и политаппаратом НКВД, дала свои результаты. Здесь руками самоотверженных чекистов было выковано для советской страны несколько тысяч полезных граждан» [2, Т. 4. Л. 358-359]. Следует учесть, что это высказывание характерно для дискурса 1930-х гг., пронизанного политической риторикой правящей партии.

Подводя итог подсчета единиц анализа по ИЖСГ, мы можем сделать вывод, что автор воспоминаний, несмотря на их политическую ангажированность, проявил большую критичность по отношению к «концепту» СГ: 33 положительных высказывания против 15 отрицательных и 6 нейтральных.

Текст воспоминаний Л. М. Марьясина наглядно демонстрирует проявление типичных для советского общества поведенческих, психо-социальных и политико-идеологических стереотипов позиционирования личности, находящейся под идеологическим и политическим прессингом. Великие стройки пятилеток были местом, где такие реакции личности достигали своей кульминации. Не следует забывать, что текст мемуаров явно был рассчитан на публику (в первую очередь, на партийную и чекистскую), а потому не следует принимать явно пропагандистские высказывания за чистую монету. На самом деле те, кто близко знал Марьясина, свидетельствуют о его критических настроениях, это же демонстрируют и протоколы допросов.

Из воспоминаний Б. Окуджава явствует, как в детстве его поражали апартаменты Марьясина в Нижнем Тагиле. Однако они не принадлежали на самом деле жильцу «роскошного дворца», ибо диктатура пролетариата как щедро награждала своих верных исполнителей, так и беспощадно забирала всё имущество в случае политической провинности. После расстрела Лазаря Марьясина сохранилась опись вещей, оставшихся от него: «испорченный электрический фонарик, кальсоны с завязками, зубная щётка и другие не менее важные предметы» [2, Т. 1. Л. 9]. Так что «буржуазный быт» не успел окончательно «развратить» Лазаря Мироновича.

Тяжёлые климатические условия, низкое качество жилищного строительства и культурно-бытового обслуживания, невыносимые условия труда строителей Уралвагонстроя приводили к утечке рабочих рук. Однако находились энтузиасты своего дела, например, в среде инженеров. Таким энтузиастом можно назвать и самого Л. М. Марьясина.

* * *

Весьма насыщенным источником для раскрытия поставленной проблемы являются мемуары американского рабочего, писателя Джона Скотта, написанные им в 1941 г. [3]. Социальное происхождение и образование Д. Скотта повлияли на его взгляды по отношению к Советскому Союзу и его судьбу. Это был романтик социалистической идеи, критически воспринимавший капиталистическую действительность. Он приехал в Магнитогорск с целью оказать братскую помощь в строительстве первого в мире социалистического государства и учиться социализму [3, с. 16].

Молодого американца поразили нищета и примитивные условия жизни. Но гораздо более изумили Скотта энергия и целеустремлённость советских рабочих и руководителей предприятия, проявившиеся буквально во всём. Неграмотные люди, многие из них бывшие крестьяне и кочевники, с энтузиазмом учились читать; неквалифицированные рабочие овладевали умением работать на станках и управлять оборудованием. Полуголодные и плохо одетые, они трудились на комбинате по шестнадцать часов подряд, без перерыва [3, с. 19]. Скотт также был охвачен всеобщим энтузиазмом.

Джон оказался именно в том месте, где «новый» город строился по проекту немецкого архитектора-энтузиаста Э. Мая фактически в голой степи, и в нем довелось жить уже в начале 1930-х гг. Поэтому в его воспоминаниях наиболее ярко отразилось представление о соцгороде. В его высказываниях (ИЖСГ) на первый план выступают блоки 2, 5 (29 и 24 высказываний соответственно), отсутствует блок 3 и гораздо меньшее место количественно занимают блоки 4, 6, 1 (8, 6, 7 высказываний соответственно). В итоге выявляется более критичное, чем позитивное отношение к реальному воплощению концепта СГ в реальность (39 отрицательных высказываний против 23 положительных и 12 нейтральных).

Относительно небольшое количество единиц анализа (5 отрицательных и 2 нейтральных) связано с принципиальными специфическими отличиями «нового» города от «старого». Д. Скотт описывает его создание как захватывающую историю строительства на голом месте, попытку реализации ускоренных планов и их первоначальное невыполнение [3, с. 89]. Он критикует проектирование соцгорода Э. Мая за ошибки и плохое качество строительства, монотонное однообразие, подчеркивает, что в нем живут избранные [3, с. 109]. Описывая, как выглядел Кировский район Магнитогорска, считавшийся соцгородом, положительно, в то же время, отмечает, что это не образец СГ, которым можно было бы похвастаться. Огромный недо-

статок этого варианта СГ он видит в перенаселенности [3, с. 214–215].

Достаточно большое внимание автор уделяет способам мобилизации населения СГ, высказывая критическое к ним отношение (15 отрицательных против 14 положительных и нейтральных). В качестве положительных моментов он отмечает большие затраты на подготовку квалифицированных кадров, запрет на увольнение рабочих, изменения к лучшему условий и качества работы на производстве, неуклонную реализацию большевистских планов индустриализации, даже видит позитивный эффект политических чисток на производстве [3, с. 72, 84, 94, 151, 230]. Например, он пишет, что большинство населения отнеслось к кампании чисток достаточно спокойно и «она не повлияла на их отношение к советской власти..., когда аресты прекратились или почти прекратились, большинство магнитогорских рабочих были настроены жизнерадостно, бодро, оптимистично» [3, с. 212]. Автор полагает, что к 1935 г. изменились к лучшему условия и качество работы на производстве. Более того, Скотт оценивает преимущество положения русского рабочего по сравнению с рабочими во Франции и Америке и считает, что русский рабочий настроен более оптимистично [3, с. 230].

В то же время Скотт высказывает целый ряд достаточно резких, критических замечаний: констатирует низкий уровень зарплаты и текучесть рабочей силы, невыполнение плана, отсутствие техники безопасности, повышенный травматизм на работе, двойственность результатов стахановского движения («...технические последствия стахановского движения иногда были очень запутанными, и польза для общего дела весьма сомнительна»), бесперспективность работы для бывшего кулака («выход один: работать до усталости, а потом крепко выпить»), депрессивное настроение «старых» специалистов, осужденных по делу промпартии («работал методично, но без энтузиазма»), исчезновение специалистов-заключенных и иностранцев после чисток, репрессивную роль ОГПУ («около 50 тыс. рабочих под контролем ГПУ») [3, с. 42–43, 46, 54, 93, 99, 128, 150, 172–174, 211].

Скотт отмечает, что в 1938 г. из 145 тыс. жителей города 30 % трудились на принудительных работах, и акцентирует внимание на том, что «террор низводит технические усилия до бесчеловечности и деградации...» [3, с. 26, 285]. Автор говорит о «миллионах людей, вы-

брошенных на помойку (сосланных в Сибирь и т.п.) ради Прогресса и Революции», о жестокости концепции Сталина [3, с. 193]. В то же время Скотт приходит к заключению: «Чушковый чугу́н – это чушковый чугу́н, и не имеет значения, что доменные печи были построены специалистами-заключенными и раскулаченными крестьянами» [4, с. 231].

При характеристике жилого фонда высказывания автора распределяются равномерно – 4 положительных и 4 отрицательных. С одной стороны, он высоко оценивает уровень жизни в поселке «валютных» иностранцев (жизнь по западноевропейским стандартам – почти как «Маунт-Вернон в штате Нью-Йорк»), с другой, ужасается условиям жизни в районе чернорабочих «Шанхай» [3, с. 105, 107, 234–235, 236]. По его наблюдениям, в 1938 г. 75 % жителей Магнитогорска проживало в бараках и землянках [3, с. 64–65, 238].

В блоке 5 приблизительно такое же соотношение высказываний: 12 положительных и нейтральных и 12 отрицательных. Скотт положительно оценивает достижения СГ в области культуры и быта: констатирует значительные затраты на «культурные» постройки и мероприятия, создание банного комплекса с раздевалкой и рестораном для рабочих, библиотеки, бильярдной и т.п., дает высокую оценку работе театров; отмечает наличие во всех домах СГ электричества, центрального отопления и водопровода, хорошо отзывается о состоянии детских садов и ясель [3, с. 169, 216, 217, 238], очень позитивно описывает и оценивает систему образования [3, с. 218–219, 223].

В то же время, автор фиксирует отсутствие нормального питания (работа впроголодь, проблемы с питанием – постоянная тема обсуждения в красном уголке: «деньги есть, купить нечего»), проблему снабжения продуктами и одеждой (более высокие цены, чем в Америке, низкое качество промтоваров), иерархичность в доступе к питанию (работники ГПУ, иностранные специалисты, простые рабочие) [3, с. 33, 51, 55–56, 66, 97, 99, 243]. Положительно оценивая работу поликлиник, отрицательно отзывается о больницах, где катастрофически не хватало врачей [3, с. 224–226].

Применительно к системе образования автор весьма критично замечает, что она нацелена на формирование твердых, глубоких профессиональных знаний, а не «развитие оригинально, критически мыслящей личности» [3, с. 219].

Д. Скотт делает весьма политизированный вывод: «Я полагаю, что на Урале народ считает, будто существующий режим дал и дает им больше товаров и жизненных благ, чем у них было раньше... Не приходится сомневаться, что лишь весьма немногие считают дело революции преданным, и часто необходимо предоставить больше демократии и свободы; интересы рабочих по большей части весьма ограничены и не распространяются дальше достижения того уровня, который обеспечивает получение примитивных удобств и удовлетворение элементарных желаний. Сегодня люди на Урале работают, едят, покупают повседневно необходимые товары и, по моему, не будут устраивать беспорядки. Думаю, дело постепенно идет к тому, что экономическая битва будет выиграна» [3, с. 299].

Относительно малое количество высказываний Д. Скотта связано с проблемой формирования «нового» человека (2 положительных против 4 отрицательных и нейтральных). Позитивным явлением он считает преодоление трудностей «с безграничным энтузиазмом», отсутствие народного недовольства [3, с. 32, 299]. В то же время, автор считает, что у рабочих существуют наивные представления о голоде и прочих невзгодах в капиталистическом мире, о неизбежности там восстания; свои невзгоды рабочими объясняются и прощаются правительству, но не конкретным бюрократам [3, с. 67]. Он приводит примеры разных типов «новых людей», в том числе с явно антисоциалистическими настроениями, но в итоге заключает, что в целом «они еще малоразвиты для критического отношения к власти», а их интересы связаны с получением «примитивных удобств» и удовлетворением «элементарных желаний» [3, с. 292–295, 299].

Несмотря на романтизм и неполную осведомленность о происходящих в Советском Союзе процессах, Д. Скотт сохранил свободное, непредвзятое мышление и воспринимал советский опыт, в том числе специфический магнитогорский, двойственно: как положительно, так и критично.

Материалы воспоминаний представителя советской административной элиты Л. М. Марьясина не дают исчерпывающей возможности применить для их анализа все параметры контент-анализа. Однако в целом они позволяют создать представление об основных характеристиках идентичности одного из представителей руководящей элиты СГ. Стремление жить в комфортных условиях собственного дома,

полноценно проводить свой досуг, удовлетворяя культурные и иные потребности, у такого человека явно затмевается задачами жертвенного энтузиазма во имя «светлого будущего». Поэтому весь пафос воспоминаний сводится к решению глобальных задач важнейшей стройки пятилетки.

Наибольший исследовательский интерес представляют мемуары Д. Скотта, которые отражают взгляды и настроения иностранных специалистов. Воспоминания в меньшей степени подвержены влиянию политической конъюнктуры, уровень свободы автора гораздо выше, чем у члена большевистской партии, находящегося в тисках постоянного контроля диктатуры. Во многом это непредвзятый взгляд «со стороны», к тому же человека, хорошо знакомого с капиталистическими реалиями.

Из мемуаров Д. Скотта мы воссоздаем объёмный образ жителя нового города, идентичность которого значительно дифференцирована его социальным происхождением, статусом и доступом к преимуществам городской жизни. Центральным объединяющим ядром его идентичности является «вера в сильную Россию» и лучшую жизнь при социализме.

Позже, в своих письмах в американское посольство, Д. Скотт оценивает происходящее более пессимистически, полагая, что политический террор «низводит технические усилия до бесчеловечности и деградации...».

* * *

Для изучаемой эпохи характерна маргинализация общества, большая динамика общественных процессов. С одной стороны, отличительным признаком групповой идентичности является традиция общих для членов группы воспоминаний о прошлом. С другой стороны, для революционных эпох характерны высокая социальная мобильность: революция формирует новые идеалы, новые психотипы поведения, новые общности. К одной из таких новых общностей, рождённых социалистической революцией и индустриализацией в России, можно отнести соцгород 30-х гг. XX в.

В структуре идентичности жителя такого специфического феномена, как СГ, большое значение имеют идеологические и политические установки, восприятие или невосприятие которых заметно влияет на комфортность проживания в нём. Поэтому мы неизбежно должны уделить внимание целому ряду таких установок.

На стройки новых городов прибывали инженеры, преподаватели, врачи, активно способствовавшие распространению просвещения и культуры. Большевики использовали для модернизации население разных регионов России, которые резко отличались по своим социокультурным, демографическим и иным характеристикам. Формированию нового типа советской идентичности способствовали не только российские большевики, но и иностранцы.

В процессе производства металла, создания машин, оборудования, механизмов, вооружения сформировался особый тип мышления уральцев: «русский индустриализм» [14, с. 28–

31]. Под воздействием коммунистической идеологии христианский образ жизни в сознании вчерашнего крестьянина, трансформировался в социалистический идеал – соцгород – в новый тип общинной жизни.

Перспектива дальнейших исследований заключается в вовлечении в научный оборот нового корпуса источников личного происхождения и материалов массовых источников (архивно-следственных дел) и применении к их изучению современных исследовательских методик для реконструкции индивидуальной и групповой идентичности населения городов Урала 1930-х гг.

Приложение 1

Маркеры идентичностей (Л. М. Марьясин)

Идентичность соцгорода (ИСГ)			Гражданская идентичность (ГИ)			Политическая идентичность (ПИ)		
Маркеры (категории-блоки анализа)	Кол-во высказываний	+ / -	Маркеры	Кол-во высказываний	+ / -	Маркеры	Кол-во высказываний	+ / -
1. Отличия «нового» города от «старого»	1	1 -	1.Когнитивный: место рожд., образ гос-ва, язык, культура			1.Принадлежность к партии, орг-ии, движению, группе	12	12+
2. Способы мобилизации населения СГ	15	10+ / 1- / 4+-	2.Ценностный: гордость, патриотизм	5	1+ / 4-	2.Восприятие идеол. и полит. символов	17	9+ / 5- / 3+-
3. Архитектурная планировка	4	1+ / 3-	3.Эмоциональный					
4. Характеристика жилого фонда	11	8+ / 3-						
5. Быт и культура	14	5+ / 7- / 2+-						
6. «Новый» человек	9	9+						
Итого:	54	33+ / 15- / 6+-	Итого:	5	1+ / 4-	Итого:	29	21+ / 5- / 3+-

Маркеры идентичностей (Д. Скотт)

Идентичность соцгорода (ИСГ)			Гражданская идентичность (ГИ)			Политическая идентичность (ПИ)		
Маркеры	Кол-во высказываний	+ / - / +-	Маркеры	Кол-во высказываний	+ / - / +-	Маркеры	Кол-во высказываний	+ / - / +-
1. Отличия «нового» города от «старого»	7	5- / 2+-	1.Когнитивный (место рожд., образ гос-ва, язык, культура)			1.Принадлежность к партии, орг-ии, движению, группе		
2. Способы мобилизации населения СГ	29	9+ / 15- / 5+-	2.Ценностный: гордость, патриотизм	3	2+ / 1-	2.Восприятие идеол. и полит. символов	11	2+ / 7- / 2+-
3. Архитектурная планировка			3.Эмоциональный					
4. Характеристика жилого фонда	8	4+ / 4-						
5. Быт и культура	24	8+ / 12- / 4+-						
6. «Новый» человек	6	2+ / 3- / 1+-						
Итого:	74	23+ / 39- / 12+-	Итого:	3	2+ / 1-	Итого:	11	2+ / 7- / 2+-

Библиография:

1. Микляева А. В., Румянцева П. В. Городская идентичность жителя современного мегаполиса: ресурс личностного благополучия или зона повышенного риска? [Электронный ресурс]. – URL: humanpsy.ru/miklyaeva/gorodskaya-identichnost (дата обращения 13.09.2014)
2. Марьясин Л. М. Записки хозяйственника // ГААО СО Ф.1. Оп. 2. Д.22664. Т. 1, 4.
3. Скотт Джон. За Уралом. Американский рабочий в русском городе стали. М.: Изд-во Моск-го ун-та, Изд-во Урал-го ун-та, 1991. 304 с.
4. Социальная идентичность средневекового человека / отв. ред. А. А. Сванидзе, П. Ю. Уваров. М.: Наука, 2007. 327 с.
5. Голубева С. Г., Замараева Ю. С. Историографический обзор зарубежных историографических концепций пол. XIX в. – нач. XXI в. [Электронный ресурс]. – URL: [/conf.sfu-gas.ru/sites/mn2012/thesis/.../s034-077.pdf](http://conf.sfu-gas.ru/sites/mn2012/thesis/.../s034-077.pdf). (дата обращения 01.10.14)
6. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. Пер. с англ. М.: Флинта, 2006. 352с.
7. Дягилева Н. С. Теоретические аспекты городской идентичности. [Электронный ресурс]. – URL: sibsubis.ru/upload/publications/74b/H_Sociology.pdf (дата обращения: 05.01.2106)
8. Меерович М. Г., Коньшева Е. В., Хмельницкий Д. С. Кладбища соцгородов: градостроительная политика в СССР, 1928–1932 гг. М.: РОССПЭН, 2011. 270 с.
9. Соскин В. Л. Российская советская культура (1917–1927): Очерки социальной истории. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2004. 455с.
10. Терехов В. С. Рекруты великой идеи. Технические специалисты в период сталинской модернизации. Екатеринбург: УРО РАН, 2003. 244 с.
11. Общество и власть: 1930-е годы. Повествование в документах. М.: РОССПЭН, 1998. 353с.
12. Социальная мобилизация в сталинском обществе (конец 1920–1930-е гг.): Коллективная монография. Новосибирск: Новосиб гос. ун-т, 2013. 419 с.
13. Тагил социалистический // Тагильский рабочий: газета, орган Тагильского райкома ВКП (б), Горсовета и райпрофсоюза, 1931 г. № 140, 144
14. Анимца Е. Г. Феномен кондратьевских волн и циклов в развитии промышленности Уральского макрорегиона // Модернизационно-инновационные процессы в социально-экономическом развитии регионов и городов. Кн. 1. Екатеринбург, 2013. 167 с.

References (transliterated):

1. Miklyaeva A. V., Rumyantseva P. V. Gorodskaya identichnost' zhitelya sovremennogo megapolisa: resurs lichnostnogo blagopoluchiya ili zona povyshennogo riska? [Elektronnyi resurs]. – URL: humanpsy.ru/miklyaeva/gorodskaya-identichnost (data obrashcheniya 13.09.2014)
2. Mar'yasin L. M. Zapiski khozyaistvennika // GAAO SO F.1. Op. 2. D.22664. T. 1, 4.
3. Skott Dzhon. Za Uralom. Amerikanskii rabochii v russkom gorode stali. M.: Izd-vo Mosk-go un-ta, Izd-vo Ural-go un-ta, 1991. 304 s.
4. Sotsial'naya identichnost' srednevekovogo cheloveka / otv. red. A. A. Svanidze, P. Yu. Uvarov. M.: Nauka, 2007. 327 s.
5. Golubeva S. G., Zamaraeva Yu. S. Istoriograficheskii obzor zarubezhnykh istoriograficheskikh kontseptsiy pol. XIX v. – nach. XXI v. [Elektronnyi resurs]. – URL: [/conf.sfu-ras.ru/sites/mn2012/thesis/.../s034-077.pdf](http://conf.sfu-ras.ru/sites/mn2012/thesis/.../s034-077.pdf). (data obrashcheniya 01.10.14)
6. Erikson E. Identichnost': yunost' i krizis. Per. s angl. M.: Flinta, 2006. 352s.
7. Dyagileva N. S. Teoreticheskie aspekty gorodskoi identichnosti. [Elektronnyi resurs]. – URL: sibsubis.ru/upload/publications/74b/H_Sociology.pdf (data obrashcheniya: 05.01.2106)
8. Meerovich M. G., Konysheva E. V., Khmel'nitskii D. S. Kladbishcha sotsgorodov: gradostroitel'naya politika v SSSR, 1928–1932 gg. M.: ROSSPEN, 2011. 270 s.
9. Soskin V. L. Rossiiskaya sovetskaya kul'tura (1917–1927): Ocherki sotsial'noi istorii. Novosibirsk: Izd-vo SO RAN, 2004. 455s.
10. Terekhov V. S. Rekruty velikoi idei. Tekhnicheskie spetsialisty v period stalinskoj modernizatsii. Ekaterinburg: URO RAN, 2003. 244 s.
11. Obshchestvo i vlast': 1930-e gody. Povestvovanie v dokumentakh. M.: ROSSPEN, 1998. 353s.
12. Sotsial'naya mobilizatsiya v stalinskom obshchestve (konets 1920–1930-e gg.): Kollektivnaya monografiya. Novosibirsk: Novosib gos. un-t, 2013. 419 s.
13. Tagil sotsialisticheskii // Tagil'skii rabochii: gazeta, organ Tagil'skogo raikoma VKP (b), Gorsoвета i raiprofsoyuzа, 1931 g. № 140, 144
14. Animitsa E. G. Fenomen kondrat'evskikh voln i tsiklov v razvitii promyshlennosti Ural'skogo makroregiona // Modernizatsionno-innovatsionnye protsessy v sotsial'no-ekonomicheskom razvitii regionov i gorodov. Kn. 1. Ekaterinburg, 2013. 167 s.